

признаки и обращайтесь за помощью. <...> Не игнорируйте свои сомнения, доверяйте своим чувствам, отмечайте проявления патологической ревности — это может в буквальном смысле спасти вам жизнь!» [https://www.goodhouse.ru/family_and_children/psihologiya/chto-skryvaet-revnost/].

Из сказанного вытекает, что образ семьи, реконструируемый на материале, почерпнутом из женских журналов, свидетельствует о важности концепта. Семья представляется как существенная ценность, но на ее базовое значение накладываются новые смыслы, в которых высвечиваются социальные и психологические установки ее функционирования. К стержневому значению концепта прибавляются дополняющие его составляющие, в которых отражается современная действительность со всеми ее противоречиями.

Федорова Л. Л. Штрихи к портрету «семьи» в русском языковом сознании. В печати.

DOI 10.31168/7996-2700-3.90

С. В. Панченко

Уральский государственный юридический университет
Екатеринбург, Россия
panch@e1.ru

Лексика хантыйского происхождения с ассоциативными значениями в русских письменных источниках 1870–1930 гг.

Источниками данного исследования послужили 289 русских печатных работ 1870–1930 гг., описывающих разные районы проживания «остяков» (хантов) в бассейне р. Обь. Встречающиеся в этих текстах лексемы хантыйского происхождения неоднородны по степени освоенности в русском языке и делятся на слова-вкрапления (390), окказиональные заимствования (34) и заимствования (77). Из общего

словарного массива хантыйских слов были выбраны лексемы с ассоциативными значениями¹.

Задачами исследования стали, во-первых, анализ номинативных и семантических особенностей слов данной группы; во-вторых — выявление специфики русской передачи хантыйских слов; в-третьих — поиск новой информации, дополняющей данные этимологического словаря хантыйского языка В. Штейница [Steinitz]. Ниже представлены полученные результаты.

1. Большинство анализируемых лексем — двух- и трехсловные образования, представленные в русских графических вариантах, правильно или неправильно передающих членение слова на компоненты. Например, в одном из текстов, где описывается хантыйский музыкальный инструмент, читаем: «Лебедь, по Остяцки *нарыстаюх хотон* <...> имеет 8 струн медных» (Березовский у.) [Шавров, 1871, 4]. Ср. низ. *nerəs-*, шерк., каз. *narəs-*, обд. *nārəs-* ‘играть на (любом) музыкальном инструменте’² > прич. наст. вр. с суфф. *-ta (-ti)* + низ., обд., шерк. *juχ*, каз., сын. *jūχ* ‘дерево’ + низ., шерк., каз., сын., обд. *χōtəχ* ‘лебедь’; букв. «играющее дерево — лебедь».

2. Понимание семантики лексем при этимологическом анализе затруднено изменениями, возникшими при русской графической передаче хантыйских звуков, — ср., например, *пиде-вонзель* ‘водяника’ (Березово) [Скалозубов, 1913, 28] < бер. *piti* ‘черный’, *ūn* ‘большой’, *set* ‘глаз’, букв. «черный большой глаз».

3. Все рассматриваемые лексемы однозначны. Образно названы некоторые природные реалии и бытовые предметы. Типы метафорического переноса:

▪ по форме: «Кедровый орех *нагыр сем*» (Самарово) [Лопарев, 1997, 241] — ср. ирг. *пахэр* ‘кедровая шишка’, *set* ‘глаз’; букв. «кедровой шишки глаз»;

▪ по цвету: «Карась; по остяцки — *най-хул*» (Нижняя Обь) [Варпаховский, 1902, 167] — ср. каз., сын. *naj*, обд. *nāj* ‘огонь’; каз. *χйл*, сын. *χйл*, обд. *χил* ‘карась’; букв. «огненная рыба».

¹ Ассоциация — ‘связь между отдельными представлениями, при которой одно из представлений вызывает другое’ [Ожегов, Шведова, 1999, 30].

² Здесь и далее хантыйские лексемы приводятся по [Steinitz].

▪ по расположению в пространстве: «тыдывеш черный яр» (Назым) [Дунин-Горкавич, 1910, 217] — ср. низ., шерк. *p̄ytə*, каз., сын. *p̄iti*, бер. *pita, piti* ‘черный’, низ., шерк. *wəʃ*, каз. *wəʃ*, бер. *veʃ* ‘лицо’; букв. «черное лицо».

▪ по функции: «...продолговатый мешочек (*лестан хот*) для оселка» (с. Обдорское) [Руденко, 1914, 46] — ср. обд. *lestàn* ‘оселок, точильный брусок’, обд. *χat* ‘дом’, каз., сын. *χot* ‘то же’; букв. «дом оселка».

При метонимических переносах очевидна ассоциация по реальной смежности объектов. Например, метонимически обусловленная полисемия в языке-источнике проявлена в группе сложных лексем с компонентом *юх* ‘дерево’ в трех общих значениях: 1) ‘растение’, 2) ‘материал’, 3) ‘приспособление из дерева (например, палка, стропило, вежа)’. Приведем также пример синекдохи: «Остяки знают ее [белугу-дельфина] под именем *вузенгь-потлангь*, т. е. “с дырой на плече”» (Нижняя Обь) [Финш, Брэм, 1882, 551] — ср. каз. *w̄isəŋ p̄ötlan̄*, обд. *w̄isəŋ p̄ätlan̄* ‘белуга, дельфин’; букв. «дырявый затылок».

Семантика ассоциативных компонентов сложных слов нередко связана с человеком (‘глаз’, ‘горло’, ‘лицо’, ‘спина’; ‘мужчина’, ‘женщина’; ‘огонь’, ‘дом’), есть лексемы из сферы фауны.

4. Обычно авторы текстов не понимают и не поясняют внутреннюю форму слов при их переводе. Русская передача слов-вкраплений вариантна: 1) используется одно литературное общеупотребительное слово, которое обобщает значение хантыйской лексемы и не передает признаки реалии при номинации или ассоциацию; 2) опускается дополнительный компонент значения, выраженный в какой-либо части сложного слова, при сохранении смысловой доминанты; 3) при переводе передаются и значение, и внутренняя форма многокомпонентной лексемы.

5. Данные русских источников дополняют диалектную карту словаря хантыйского языка В. Штейница, а также фиксируют новые слова: либо в соседнем диалекте (по сравнению с указанным в словаре), либо в другом, территориально отдаленном диалекте. Очевидна ценность выявленных хантыйских лексем в лингвистическом, этнографическом, культурологическом и контактологическом аспектах.

Варпаховский Н. А. Рыболовство в бассейне реки Оби. Т. 2 : Рыбы бассейна р. Оби. СПб., 1902.

Дунин-Горкавич А. А. Тобольский Север. Географическое и статистико-экономическое описание страны по отдельным географическим районам. Т. 2. Тобольск, 1910.

Лопарев Х. М. Самарово, село Тобольской губернии и округа: хроника, воспоминания и материалы о его прошлом. Тюмень, 1997.

Ожегов С. И., Шведова Н. Ю. Толковый словарь русского языка : 80 000 слов и фразеологических выражений. 4-е изд., доп. М., 2001.

Руденко С. Предметы из остяцкого могильника возле Обдорска // Материалы по этнографии России. 1914. Т. 2. С. 35–56.

Скалозубов Н. Л. Ботанический словарь. Народные названия растений Тобольской губернии дикорастущих и некоторых культурных // Ежегодник Тобол. губ. музея. 1913. Вып. 21. Ч. 2. С. 1–87.

Фини О., Брэм А. Путешествие в Западную Сибирь. М., 1882.

Шафров В. Н. Краткие записки о жителях Березовского уезда // Чтения в Императорской истории и древностей при Моск. ун-те. 1871. Кн. 2. Ч. 5. С. 1–21.

Steinitz W. Dialektologisches und etymologisches Wörterbuch der Ostjakischen Sprache. L. 1–13. Berlin, 1966–1991.

DOI 10.31168/7996-2700-3.91

О. А. Пашина

Государственный институт искусствознания
Москва, Россия
opash@sias.ru

Терминология пения в русских народных говорах

Обзор словарей народных говоров, а также фундаментальных публикаций по этнографии и фольклору различных регионов выявил удивительное многообразие глаголов, которые используются народными исполнителями для обозначения пения, по преимуществу громкого. Цель доклада — постараться понять основания, на которых базируется выбор глаголов, употребляемых в значении ‘громко петь’. За рамками этого сообщения останутся термины, которыми описывается специфика интонирования протяжных песен и речитативных жанров фольклора.

Первая группа глаголов со значением ‘петь’ включает производные от существительных *песня*, *кант* (партесный песенный жанр, распространенный в России во второй половине XVII — XVIII в.), *прибаска*